

САМОЕ ДОРОГОЕ



Путь к призванию

Где, в каком уголке души живет призвание? И в чем оно? И как разгадать его сокровенную, лишь тебе завещанную тайну?

Призванию законы не писаны. А только, если найдешь его — узнаешь, что это и есть самое дорогое в жизни. Это и открытый в себе талант, и святая, непоколебимая верность делу, и сила, что ведет к цели сквозь обиды и трудности, и ни с чем несравнимое ощущение богатства, которым владеешь. Призвание делает человека окрыленным...

Когда рабфак был закончен, Аркадий Тишин подработал, разгружая арбузы, и, не сказавши отцу, уехал в Москву: поступать в театральное. После первого же экзамена ему вернули документы — не годен, таланта нету...

А он уже не мог мечтать ни о чем другом — только о театре. Он вернулся в Саратов и снова сдавал экзамены в театральное училище. На этот раз ему повезло.

Творчество

Студенческие достатки всегда скудны, а в Поволжье к тому же было тогда голодно. Из дому ни письма, ни посылки, ни привета «артисту». Приходилось подтягивать пояс потуже и искать случая заработать на пристани, где грузились пароходы и баржи. Первую роль так и учил наташак. В студенческой постановке «Горе от ума» Аркадий Тишин исполнял Молчалина. На первый взгляд, все показалось проще простого. Запомнил реплики и диалоги, нашел внешние приметы, которые самому очень нравились: улыбка — угодливая, походка — лисья, шею по-лакейски склонять — вот так. Но только вся эта оболочка оставалась для него чужой. Он клял Молчалина на чем свет стоит. И, вместо того, чтобы лишний раз сбежать на пристань, ложился на койку и, по совету режиссера, читал. О декабристах, прообразом которых явился Чацкий, о русских самодурах-крепостниках, о барской Москве начала прошлого века. И, захлопнув книгу, думал уставившись в невидимую точку на потолке. Теперь он играл совсем по-иному: форма наполнялась содержанием. После репетиции было страшно расплескать найденное, было празднично и хотелось петь. Так познавалась сложность и сладость творчества. После выпуска Аркадий Петро-

вич уехал в Грозный. Сразу стал много играть: в водевилях, в пьесах Шекспира, Островского, Горького, в современных драмах и комедиях. Каждый спектакль был новым, неоткрытым миром, и ему, как страстному, но неопытному еще путешественнику, прокладывающему свою колею, то и дело приходилось сверяться по компасу книг, живых наблюдений, опыта старших коллег, слов режиссера. Репертуарный путь вел через страны и эпохи. Тишин был ловким и лукавым Труфальдино — слугой двух господ. Был светским Звездичем в «Маскараде» и Парисом в «Ромео и Джульетте». Все новые и новые роли входили в жизнь, вбирали тепло сердца, энергию мысли, богатства дарования. Девять лет были связаны с грозненским театром. А с 1948 года — Тишин в Иркутске. Чаше всего и здесь приходилось играть героев простодушных, веселых или лукавых. В этих ролях Тишину был обеспечен неизменный успех. Он щедро расходовал обаяние своей широкой улыбки, присущие ему легкость и характерный юмор. Кудряш в «Грозе», разбитной буфетчик в «Иване Рыбакове», забавный Сенчик в «Чужом ребенке», Мартин в «Чертовой мельнице», лоботряс Милород в «Докторе философии». Но вместе с этими ролями, каждую из которых он любил и играл с удовольствием, все неотступней хотелось проникнуть в характеры противоречивые, сложные, драматически тонкие.

Наступала творческая зрелость. Вместе с ней в его сценическую биографию входили Вронский из «Анны Карениной», Хлестаков из «Ревизора», Аркадий из «Платона Кречета», Победоносиков из «Бани», Луиджи из пьесы итальянского драматурга Эдуардо де Филиппо «Суббота, воскресенье, понедельник», Аким из «Власти тьмы». Какие непохожие друг на друга люди... Из разной среды. С разным, порой противоположно отличным отношением к жизни. С разными привычками, манерами, внешностью. А в душе каждого — немеренные глубины чувств... Аркадий Петрович открывал их нам, зрителям. Его герои оставались жить в памяти многих людей, побывавших в театре.

Дни нашей жизни

...Аплодисменты, как птицы, летят вверх. Все выше, выше. Это — не вежливые хлопки. Это — от всего сердца. Актер никогда не обманывается в цене признания. От таких аплодисментов светло и празднично на душе. Они заставляют вмиг забыть все трудное, мелочное, все невзгоды буден. Все смывает, как крутая волна, радость творческой победы.

Аркадий Петрович смотрит в ярко освещенный зал и не может различить лиц. Там много друзей, знакомых и незнакомых, там — зрители... Он принимает поздравления с высоким званием заслу-

ЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАРИСОВКИ

женного артиста республики.

С острым сожалением вспоминает: «Как жаль, что ни разу не видели меня на сцене старики... отец...». Они по-прежнему живут в родном волжском селе с основным бором за околицей. Ах, невозвратимая юность!... Хотя, почему невозвратимая?! На сцене возможны любые чудеса и превращения. Он по-особому почувствовал это, только что играя Курочкина в «Свадьбе с приданым». Пелось, балагурилось, совсем как в те далекие, теплые ночи, когда и он ходил без усталости за деревенской гармонью. Будто годы слетели с плеч — не потому ли так полюбил он эту веселую роль... И снова мчат годы. И вот — завтра, 1 июня 1964 года, его юбилей, «круглая» дата — пятидесятилетие. Четверть века на сцене. Вторая сотня ролей на счету. С этого перевала далеко и ясно видится не только прошлое, но и будущее. И день сегодняшний. Что нового, радостного несет он артисту?

...Ухабистая дорога по тайге, заваленной снегами. Маленький клуб на отдаленном участке лес-промхоза. В зале — негде яблоку упасть. Люди пришли со своими стульями, табуретками, скамьями. Ждут... А как смотрят спектакль, с какой горячей верой, с каким вниманием!

В вагоне, приспособленном под жилье, группа артистов колесила почти два студенческих зимних месяца. Они выехали из Слюдянки и, с остановками на каждой станции, добрались до Усть-Кута. Необыкновенные картины открывались их взору: в сверкающей инее плыли за окном сибирские пейзажи, открывались грандиозные стройки, новое море и новые города. Вот она какая, Сибирь. И брала досада, почему же нет героической, вдохновенной пьесы о новой Сибири?! Всем им, а в группе была в основном молодежь, горячо захотелось перенести на сцену образы мужественных и скромных людей, с которыми они познакомились в Усолье, Тайшете, Братске, в каждом поселке, на каждом глухом полустанке.

Так начинался у А. П. Тишина его юбилейный сезон. Гастроли, спектакли, репетиции, партийные и общественные дела, встречи со зрителями — очень много дел втискивается в дни нашей жизни. Порой устанешь, сердиться на занятость. Но отними у нас дела — станет тоскливо, пусто. Ведь день складывается с днем, как страницы увлекательной повести, написанные не пером, а работой, взлетом мысли, биением сердца.

...И снова открывается театральный занавес. Маленький динамик в артистических комнатах решительно напоминает: — Аркадий Петрович, ваш выход.

Пора на сцену...

Л. ТИХОНОВА.